

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 4 (81). С. 108–120.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2024. Vol. 4 (81). P. 108–120.

Научная статья
УДК 94(470)“1941/1945”
doi: 10.54398/1818-510X.2024.81.4.010

**ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЛЕНИНГРАДА
В УСЛОВИЯХ БЛОКАДЫ (1941–1944 ГГ.)**

Красноженова Елена Евгеньевна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия
eleena@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1679-8590>

Аннотация. Проблемы, связанные с блокадой Ленинграда в период Великой Отечественной войны, в современных условиях приобрели особую актуальность. Актуальность обращения к исследованию продовольственных проблем определена тем, что длительная блокада привела к голоду среди населения, росту заболеваемости и смертности, обострению бытовых проблем. Их анализ помогает глубже понять механизмы выживания населения в экстремальных условиях. Цель настоящей работы – исследование продовольственных проблем в условиях блокады Ленинграда, анализ особенностей их решения, выявление основных практик выживания ленинградцев. Основу исследования составили архивные документы, материалы периодической печати, дневники и воспоминания. Они содержат данные о продовольственных запасах, распределении ресурсов, о количестве населения, страдавшего от голода, содержат информацию о работе столовых и пунктов общественного питания, позволяют проследить динамику продовольственной ситуации в городе, оценить масштабы продовольственной катастрофы в городе. Методологическую основу исследования составляют принципы и методы научного познания. В работе использованы исторический метод, метод анализа, индукции и сравнения. В статье показано, что в условиях дефицита продовольствия голод стал одной из главных причин заболеваемости и смертности. Городские власти принимали ряд мер, направленных на борьбу с голодом. Одним из важнейших аспектов выживания горожан стали столовые, которые играли ключевую роль в обеспечении населения пищей. Однако, несмотря на огромные усилия, предпринимавшиеся для снабжения населения продовольствием, голод и истощение населения оставались серьезной проблемой до конца блокады.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ленинград, блокада, гражданское население, продовольственные проблемы, продовольственные карточки, нормированное снабжение, голод, дистрофия, столовые, усиленное питание

Для цитирования: Красноженова Е. Е. Продовольственное обеспечение населения Ленинграда в условиях блокады (1941–1944 гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 4 (81). С. 108–120. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2024.81.4.010>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

**FOOD SUPPLY TO THE POPULATION OF LENINGRAD
IN THE CONDITIONS OF THE BLOCKADE (1941–1944)**

Elena E. Krasnozhenova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia
eleena@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1679-8590>

Abstract. The problems associated with the siege of Leningrad during the Great Patriotic War have become particularly relevant in modern conditions. The relevance of the appeal to the study of food problems is determined by the fact that the prolonged blockade led to famine among the

population, an increase in morbidity and mortality, and an aggravation of household problems. Their analysis helps to better understand the mechanisms of survival of the population in extreme conditions. The purpose of this work is to study food problems in the conditions of the siege of Leningrad, analyze the features of their solution, identify the main survival practices of Leningraders. The research was based on archival documents, periodical materials, diaries and memoirs. They contain data on food stocks, resource allocation, the number of people suffering from hunger, contain information about the work of canteens and catering facilities, allow you to track the dynamics of the food situation in the city, assess the scale of the food disaster in the city. The methodological basis of the research is the principles and methods of scientific cognition. The work uses the historical method, the method of analysis, induction and comparison. The article shows that in conditions of food shortage, hunger has become one of the main causes of morbidity and mortality. The city authorities have taken a number of measures aimed at combating hunger. Canteens, which played a key role in providing food to the population, became one of the most important aspects of the survival of the townspeople. However, despite the enormous efforts being made to supply the city with food, hunger and exhaustion of the population remained a serious problem until the end of the blockade.

Keywords: The Great Patriotic War, Leningrad, the blockade, the civilian population, food problems, ration cards, rationed supplies, hunger, dystrophy, canteens, enhanced nutrition

For citation: Krasnozhenova E. E. Food supply to the population of Leningrad in the conditions of the blockade (1941–1944). *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2024, no. 4 (81), pp. 108–120. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2024.81.4.010>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Проблемы, связанные с блокадой Ленинграда в период Великой Отечественной войны, в современных условиях приобрели особую актуальность. Блокада Ленинграда стала одним из самых трагичных и значимых событий Второй мировой войны, в ходе которого город столкнулся с беспрецедентными условиями жизни, включая массовый дефицит продовольствия. Анализ этих проблем помогает глубже понять механизмы выживания населения в экстремальных условиях. Актуальность обращения к исследованию продовольственных проблем определена тем, что длительная блокада привела к голоду среди населения, росту заболеваемости и смертности, обострению бытовых проблем. Именно тотальный голод стал главной причиной многочисленных жертв среди ленинградцев. Несмотря на это, в городе продолжали функционировать промышленные предприятия, обеспечивая фронт необходимой оборонной продукцией.

Цель работы – исследование продовольственных проблем в условиях блокады Ленинграда, анализ особенностей их решения, выявление основных практик выживания ленинградцев.

В советское время исследования продовольственных проблем блокадного Ленинграда часто носили идеологический характер. Историки акцентировали внимание на героизме и стойкости жителей города, подчеркивая их способность выживать в условиях крайнего дефицита. Однако из-за политической цензуры многие аспекты, связанные с голодом и страданиями населения, оставались в тени.

С начала 1990-х гг., с падением идеологических барьеров, исследования блокадного Ленинграда стали более разнообразными и многогранными. Историки получили возможность использовать новые архивные материалы, включая письма, дневники и свидетельства очевидцев. В это время внимание стало уделяться не только героическим аспектам, но и трагическим последствиям голода, который унес жизни сотен тысяч людей.

Появились исследования социальных и психологических аспектов выживания в условиях блокады [10; 35; 36]. Современные исследования акцентируют внимание на продовольственной политике Советского государства в условиях блокады [7]. Ученые анализируют проблемы, связанные с функционированием продовольственных карточек [4; 17] и существованием черного рынка [14], которые стали неотъемлемой

частью жизни ленинградцев. Значение приобрело исследование вопросов, связанных с созданием и работой «Дороги жизни», ставшей важнейшей артерией для ввоза в блокадный город продовольствия [6; 13; 15].

Проблемы выживания людей в условиях блокады стали предметом исследований ряда зарубежных историков [37–40].

Основу исследования составили архивные документы, материалы периодической печати, воспоминания. Архивные материалы Санкт-Петербурга представлены официальными отчетами, письмами, дневниками, протоколами заседаний органов власти, в первую очередь, блокадного Ленинграда, их постоянных комиссий и отделов. Одним из ключевых источников являются официальные отчеты, составленные различными государственными учреждениями. Эти документы содержат данные о продовольственных запасах, распределении ресурсов, о количестве населения, страдавшего от голода, содержат информацию о работе столовых и пунктов общественного питания, позволяют проследить динамику продовольственной ситуации в городе, оценить масштабы продовольственной катастрофы в городе.

Многочисленные документы содержат информацию о мерах, принимавшихся для обеспечения населения продовольствием, показывают, как власти пытались организовать распределение продуктов, какие меры принимались для борьбы с черным рынком.

Отдельной категорией документов являются материалы, опубликованные в различных сборниках [1; 2; 8], а также дневники и воспоминания очевидцев [3; 5; 32, л. 1–20; 33, л. 1–39; 34, л. 1–17].

Методологическую основу исследования составляют принципы и методы научного познания. Исторический метод позволил реконструировать реальные условия жизни в блокадном Ленинграде, выявить механизмы обеспечения горожан продовольствием. С помощью метода анализа были исследованы документы и архивные материалы, восстановлены фактические данные о продовольственных запасах и распределении ресурсов, вскрыты трудности и противоречия в процессе снабжения населения города продовольствием, проблемы в работе столовых и пунктов общественного питания. Обобщить факты и сделать выводы о продовольственной ситуации в условиях блокады позволил метод индукции. С его помощью можно проследить, как продовольственная политика менялась в ответ на реальную ситуацию в городе, и как это влияло на выживание населения. Метод сравнения использован при сопоставлении продовольственной ситуации в городе на протяжении всей блокады. Статистический метод включает сбор и обработку количественных данных о продовольственных запасах и уровне его потребления населением. Использование статистических данных позволяет оценить масштабы продовольственного дефицита и его влияние на здоровье населения.

Основная часть

После провала первого штурма Ленинграда Гитлер решил прибегнуть к голодной блокаде, чтобы сломить сопротивление защитников города.

Продовольственные запасы в Ленинграде к началу Великой Отечественной войны были относительно небольшими. В июле 1941 г. в городе была введена карточная система [16, л. 41–42, 47]. С началом блокады, утратив транспортные связи со страной, Ленинград не мог получать необходимые городу продовольственные продукты. В 1941 г. в город было доставлено: картофеля – 6 960 т вместо 245 032 т, поступивших в 1940 г., овощей – 30 376 т вместо 154 682 т, и фруктов – 508 т вместо 15 234 т [11, с. 91]. Это явилось одной из основных причин, вызвавших в период блокады Ленинграда трудности с продовольствием. Была и другая причина: в первые месяцы войны в Ленинград съехались эвакуированные из оккупированных районов области, из Прибалтики и Карелии. Кроме того, в городе находилось много воинских частей, а эвакуация населения из Ленинграда в тот период проходила медленно. Все это вызвало резкое увеличение расходов продуктов питания и быстрое сокращение запасов.

Установив блокаду и добившись на время почти полного прекращения подвоза продовольствия, гитлеровцы одновременно стремились уничтожить запасы, хранившиеся в городе. Фашистская авиация бомбила центральные городские продовольственные Бадаевские склады, мельничные комбинаты, элеватор Торгового порта, сбрасывала на них зажигательные бомбы.

Д. В. Павлов, бывший уполномоченным Государственного комитета обороны по продовольственному снабжению Ленинградского фронта, указывал, что потери от пожара на Бадаевских складах составили около 3 тыс. т муки и 700 т сахара [12, с. 48]. Это составляло двухдневную потребность города в муке и четырехдневную – в сахаре. К началу войны запасов на ленинградских базах могло хватить: муки – на 52 дня, крупы – на 89 дней, мяса – на 88 дней, масла животного – на 47 дней, масла растительного – на 29 дней [25, л. 75].

Очевидно, что никаких заранее накопленных запасов не хватило бы для большой армии и населения крупного города на весь период блокады. Но подобные запасы могли смягчить продовольственные трудности. В такой обстановке вопросы продовольственного снабжения приобрели исключительное значение.

Центральный комитет партии и Государственный комитет обороны СССР возложили непосредственное руководство снабжением защитников Ленинграда продовольствием на заместителя Председателя Совнаркома А. И. Микояна. В первые месяцы войны и в начале блокады Военный совет фронта, местные партийные и советские органы провели мобилизацию всех продовольственных ресурсов и перестройку системы снабжения в соответствии с военными задачами и сложившейся обстановкой.

Одной из первоочередных мер стала строгая централизация распределения продуктов. Еще в конце августа были взяты на учет все продовольственные запасы. Второй, еще более тщательный учет, был проведен по решению горкома партии и исполкома Ленинградского совета в октябре. Были проинспектированы все пищевые предприятия, склады, кладовые, осмотрены вагоны, баржи, регистрировалось все, что годилось в пищу. Руководителям организаций и предприятий запрещалось расходование продовольствия и пищевого сырья, независимо от количества, без разрешения исполкома Ленинградского совета.

Одновременно изыскивались способы переработки отходов и заменителей. На пивоваренных заводах бронировались остатки солода, на кожевенных заводах – шкуры телят, в Торговом порту – бараньи кишки и хлопковый жмых, на бумажных фабриках – целлюлоза. Эти мероприятия позволили значительно пополнить продовольственные запасы: муки (включая отруби и жмыхи) – на 32 000 т, крупы (включая кормовую чечевицу и рисовую шелуху) – на 7 500 т, растительного масла – на 2 900 т и мясных продуктов (включая консервированные кишки и альбумин) – на 2 600 т. Вместе с вывезенными из районов Ленинградской области и Эстонской ССР хлебными продуктами (22 300 т) и мясными продуктами (11 700 т) они вошли в единый централизованный фонд продовольственного снабжения [28, л. 122].

Военный совет фронта по требованию Государственного комитета обороны начал принимать меры по крайней экономии продовольствия. Так, к 1 сентября 1941 г. в городе была прекращена коммерческая торговля. В коммерческой торговле продавалось 7 % крупы и макарон, 8 % сахара и кондитерских изделий, 10 % мяса и мясных продуктов и 12 % жиров от общей их продажи в магазинах и столовых [25, л. 78].

2 сентября 1941 г. исполком Ленгорсовета провел первое после введения карточной системы снижение норм на хлеб. В это же время в целях экономии продуктов была запрещена коммерческая торговля и на предприятиях общественного питания, прекращено производство пива, мороженого, пирожных. В столовых и больницах было введено питание за счет норм, полагавшихся по продовольственным карточкам. В магазинах по сентябрьским продовольственным карточкам полноценные продукты частично заменялись суррогатами.

Устанавливались более строгие правила выдачи продовольственных карточек и усиливался контроль над соблюдением этих правил.

12 сентября было произведено второе снижение хлебных норм. Суточная норма уменьшилась для рабочих с 600 до 500 г, для служащих – с 400 до 300 г, для иждивенцев – с 300 до 250 г. Для детей норма выдачи хлеба составляла 300 г. Были также уменьшены нормы на мясо и крупу и несколько повышены на жиры и кондитерские изделия. С 1 октября последовало третье снижение хлебных норм рабочим и инженерно-техническим работникам до 400 г, служащим, иждивенцам и детям – до 200 г [8, с. 119].

Запасы продовольствия в Ленинграде катастрофически сокращались. Для того чтобы как-нибудь растянуть оставшиеся в городе последние запасы, Военный совет фронта вынужден был пойти на дальнейшее снижение продовольственных норм населению и войскам. В ноябре 1941 г. нормы снабжения хлебом гражданского населения снижались дважды – 8 и 20 ноября. Рабочие получали по 250 г, служащие, иждивенцы и дети — по 125 г хлеба в день [8, с. 119]. Были также снижены нормы на другие продукты [16, л. 113].

Снижение хлебного пайка коснулось и войск фронта. На переднем крае солдаты и офицеры получали по 500 г, а в тыловых частях и госпиталях – по 300 г.

С момента установления вражеской блокады и до конца ноября суточный расход муки сократился в четыре раза – с 2 100 до 510 т, а суточный расход других продуктов уменьшился примерно вдвое [12, с. 107–108]. На 1 декабря в городе оставалось запасов муки на 13,2 дня, крупы и макарон – на 3,9 дня, мяса – на 3,3 дня, жира – на 7,3 дня, сахара и кондитерских изделий – на 17 дней [18, л. 11]. В начале декабря продовольственные запасы были на исходе. Дальше город мог существовать лишь за счет подвоза через Ладогу. Но перевозки по зимней дороге только начинались. В среднем за сутки в ноябре и декабре доставлялось лишь 325 т продовольствия, что было значительно меньше дневного расхода только одной муки.

В эти дни город мобилизовал свои последние ресурсы. Постановлением бюро городского комитета партии от 27 ноября все руководители хозяйственных организаций и директора предприятий совместно с городским ветеринарным отделом обязывались произвести поголовную выбраковку лошадей и в трехдневный срок сдать их мясокомбинату. Выбраванный крупный рогатый скот совхозов треста пригородного сельского хозяйства и весь рогатый скот и свиньи подсобных хозяйств предприятий также срочно подлежали сдаче мясокомбинату. Военный совет фронта принял решение изъять аварийные запасы муки с военных кораблей и израсходовать сухари из неприкосновенного запаса войск.

Но сплошь и рядом, придя в магазины, ленинградцы в эти дни не могли получить все, что им полагалось, даже по действовавшим крайне низким нормам. Только по детским карточкам продукты выдавались полностью. С полок магазинов в ноябре надолго исчезли картофель, овощи, молоко. Все большую долю в блокадном пайке занимали суррогаты. Хлеб выпекался с 68-процентным припеком – с примесью жмыхов, целлюлозы и других заменителей. Исполкомом Володарского райсовета отмечалось неудовлетворительное качество хлеба, выпускаемого Володарским хлебокомбинатом: большая влажность, пустотность, плохой промес, обгоревшая верхняя корка [21, л. 6].

В ноябре – декабре 1941 г. в Ленинграде начался массовый голод. Проблема нехватки продовольствия в это время становится ключевой в блокадных дневниках. Так, Юра Рябинкин 28 ноября 1941 г. писал: «дома не только ни куска хлеба (хлеба дают теперь на человека 125 г в день), но ни одной хлебной крошки, ничего, что можно съесть» [5, с. 51]; 1 декабря: «во всем теле чувствуется слабость. Ноги тяжелые, колени слабые, тяжело подняться со стула, во всем теле слабость» [5, с. 52].

С открытием «Дороги жизни» в ноябре 1941 г. в город стали поступать продукты питания. В течение полутора месяцев – с 25 декабря 1941 до 11 февраля 1942 г. – нормы снабжения хлебом были увеличены трижды. После третьего повышения норм ежедневно выдавалось хлеба рабочим по 500 г, служащим – 400 и иждивенцам и детям по 300 г. Этот паек соответствовал нормам, введенным после первого снижения в сентябре 1941 г., а по рабочим карточкам – после второго (сентябрьского) снижения норм.

В феврале были повышены также нормы выдачи мяса. По крупе и макаронам они были доведены до первоначальных норм, установленных в момент введения карточной системы. Все это позволило улучшить питание ленинградцев, расширить ассортимент продуктов, уменьшив количество примесей и суррогатов, увеличить калорийность пищи.

В отличие от других районов страны, Ленинград был лишен возможности организовать колхозную торговлю. Колхозная рыночная торговля полностью прекратилась с самого начала блокады и вновь возобновилась в незначительных размерах лишь осенью 1942 г. В продажу поступало то, что было выращено на заблокированной территории. До конца года на рынках было продано: картофеля и овощей – более 4 000 т, ягод – 591 т, капустного листа – 1 453 т, дикорастущих трав – 1 898 т и грибов – 294 т [18, л. 4]. Это, конечно, не могло существенно улучшить питание ленинградцев. Единственным дополнительным источником снабжения населения могли быть местные природные ресурсы, а также пищевые заменители. Разработкой технологии получения заменителей занимались различные научно-исследовательские институты в тесном контакте с предприятиями пищевой промышленности, торговли и общественного питания.

С появлением цинготных заболеваний на первое место встал вопрос о снабжении населения витаминами. Профессор Научно-исследовательского витаминного института А. Д. Беззубов выступил инициатором получения хвойного настоя с большим содержанием витамина С. Ему поручили техническое наблюдение за организацией этого производства. В короткий срок под его руководством коллектив института разработал состав и рецептуру витаминных продуктов из хвойной настойки и снабдил технологическими схемами пищевые предприятия. Производство хвойного настоя организовали ликерно-водочный, уксусный заводы, фасовочно-маринадный комбинат и другие предприятия. Заготовкой хвои занимались Лензаготплодоовощторг, Управление продовольственными торгами и организации общественного питания. Молодежь и школьники города и пригородов активно участвовали в заготовке хвои и помогли доставить в Ленинград большое количество хвойных лапок.

В блокадных условиях впервые в СССР было налажено массовое производство белковых дрожжей из древесных опилок. Поиски технологии этого производства развернулись в самые голодные месяцы зимы 1941–1942 гг. Профессор Лесотехнической академии В. И. Шарков – инициатор производства пищевой целлюлозы – предложил изготавливать белковые дрожжи методом гидролиза древесины. В итоге 1 кг белковых дрожжей по питательности был эквивалентен 3 кг мяса [9].

Производство белковых дрожжей началось в специальных цехах кондитерской фабрики им. Микояна и ликерно-водочного, дрожжевого, лимонной кислоты заводов и других предприятий. Всего за годы блокады заводы изготовили 3 447 т белковых дрожжей.

С начала сентября и до конца ноября 1941 г. доля ржаной муки в хлебе постепенно снизилась с 67 до 55 %, овсяной и ячневой муки – с 30 до 5 %. Доля солодовой муки за это же время повысилась с 3 до 10 %, доля жмыхов была доведена до 15 %, пищевой целлюлозы – до 5 %, рисовой лузги – до 3 % [24, л. 18].

Переход на новое сырье, да еще во фронтовых условиях, создавал сложную обстановку на мельничных комбинатах. Приходилось приспособливать старое и конструировать новое оборудование, изменять технологические процессы.

Хлебозаводы в значительных количествах использовали пищевую целлюлозу, вырабатывавшуюся из хлопка и целлюлозы. Ее производство было организовано на пивоваренном заводе имени Степана Разина, на фабрике «Гознак» и ряде других предприятий. В зимние месяцы 1941–1942 гг. предприятия города выработали около 1 000 т пищевой целлюлозы [27, л. 95]. Всего за время блокады на выпечку хлеба пошло 26 664 т различных примесей [31, л. 130]. Хлебозаводы Ленинграда работали под систематическими обстрелами. Так, на хлебозавод в Колпине обрушивались десятки бомб и снарядов, но предприятие продолжало работать и снабжать хлебом воинские части и население города.

Глубокой перестройке подверглась и мясная промышленность блокадного Ленинграда. Здесь также широко использовались заменители: соленое кишечное сырье, технический альбумин, белковые дрожжи, глицерин, желатин, эссенции. В конце 1941 г. в составе мясной продукции преобладающее место заняли заменители. Так, в рецептуру столовой колбасы включалось 35 % мяса, 60 % кишечного сырья и 5 % картофельной муки и желатина, а в рецептуру блокадного студня входили: кишечное сырье – 92 %, субпродукты – 5 % и желатин – 3 % [24, л. 19]. Данные рецепты были в короткий срок разработаны на мясоперерабатывающих предприятиях. Так, на мясокомбинате была создана технология использования соленых кишок и альбумина, на колбасном заводе № 1 разработана рецептура кровяной колбасы из альбумина. Всего за годы блокады было изготовлено 11 512 т колбас, сосисок, паштетов, студня и желе из различных заменителей [31, л. 130].

Немало было сделано для увеличения запасов продовольствия и в других отраслях пищевой промышленности. Предприятия треста «Ленрыба» и организованные по указанию Военного совета фронта подсобные рыболовецкие хозяйства до конца 1942 г. выловили свыше 1 300 т рыбы и 40 т моллюсков, которые впервые были использованы в пищу жителями города [11, с. 105].

Много рационализаторских технологий предложили работники пищевой промышленности для того, чтобы полнее использовать скудные ресурсы блокированного города. Так, по предложению начальника цеха молококомбината Степанова организовали использование пены, образующейся при фильтрации растительного молока. Собирая и очищая пену, комбинат получал дополнительно 500 кг соевого шрота ежедневно. На мясокомбинате началось изготовление концентрированного бульона из костей. На Ленжиркомбинате из отходов маслобойного производства в 1942 г. было получено 205 т растительной икры [26, л. 119–122].

На складах многих предприятий города оставались пустые мешки из-под сахара. Для того чтобы извлечь оставшуюся в них сахарную пыль, мешки вымачивали в воде. Только на заводах безалкогольных напитков удалось получить этим способом 137 т сахара [26, л. 122].

В переработке мелких партий пищевого сырья и заменителей большую помощь оказали предприятия промысловой кооперации, которые быстро перестраивали производство в зависимости от нового сырья. Так, артель «Вкуспром» в разное время производила десятки различных пищевых товаров, используя найденные заменители. Артель изготавливала растительную икру из жмыхов, мяскокишечный фарш, сметану и сыр из козеина, кофе-суррогат из горелой сои и проросших кукурузных зерен и многое другое [18, л. 19]. Пришлось перейти на заменители и табачным фабрикам: вместо ароматных табаков использовались хмель, древесные листья, целлулоид, пропитанные никотином.

Голодная блокада подорвала здоровье людей. Мизерный паек в последние месяцы 1941 г. и низкое качество пищи вызвали у значительной части населения дистрофию и цингу. Регулярный подвоз продовольствия позволил улучшить снабжение ленинградцев. Предстояло преодолеть тяжелые последствия голодной зимы, восстановить здоровье и работоспособность населения. Также следовало улучшить организацию розничной торговли и общественного питания.

В январе 1942 г. было установлено, что выдача нормированных продуктов производилась в счет норм по частям с равными промежутками в течение всего месяца: мяса – пять раз, жиров – четыре раза, сахара – три раза, крупы – шесть раз в месяц [31, л. 124]. Хлеб выдавался ежедневно, а другие продукты – только по разрешению Военного совета фронта или исполкома городского совета.

Помимо общих мер по улучшению продовольственного снабжения, касавшихся в равной мере всего населения, требовалась неотложная забота о больных дистрофией. Так, по предложению коллектива работников Металлического завода при промышленных предприятиях были организованы стационары, в которые направлялись наиболее

истощенные рабочие и служащие на срок до двух – трех недель. В подобных стационарах больных обеспечивали питанием по повышенным нормам, оказывали им медицинскую помощь. Несколько стационаров было организовано при районных поликлиниках, а также в Политехническом институте и в гостинице «Астория» для ученых. Всего в Ленинграде функционировало 109 таких стационаров. До конца апреля 1942 г. они обслужили 63 740 больных [31, л. 126–127]. На предприятиях Володарского района Ленинграда были созданы стационары с больничным режимом на 750 коек [22, л. 29 об]. В апреле 1942 г. в районе были открыты две больницы и расширена до 1 110 мест коечная сеть в существовавших лечебных учреждениях [22, л. 30]. Кроме того, в районе были организованы три питательно-обогревательных пункта, через которые прошло около 1 000 чел. В них обслуживались ослабленные граждане с улиц, квартир, общежитий [22, л. 29 об.].

Но эта форма борьбы с дистрофией имела и недостатки: направление в стационары осуществлялось не врачами, а администрацией предприятий, поэтому в стационары не попадали, например, домохозяйки и лица, не работавшие по тем или иным причинам, в том числе и вследствие резко выраженной дистрофии.

В конце апреля 1942 г. по решению горкома партии и исполкома Ленгорсовета вместо стационаров стали организовываться специальные столовые лечебного питания, рассчитанные на обслуживание одновременно до 100 тыс. человек. В эти столовые на срок до двух – трех недель должны были в обязательном порядке направляться больные дистрофией первой и второй степеней. Ленинградцы, страдавшие дистрофией третьей степени, подлежали госпитализации.

Отбор и направление в столовые повышенного лечебного питания, а также врачебный контроль питания в столовых и состояния здоровья питающихся возлагались на поликлиники, за которыми закреплялись столовые. Комиссии под председательством главных врачей поликлиник с участием представителей исполкомов районных советов и профсоюзов помогали лечебным учреждениям. Решения комиссии о направлении в столовые имели обязательный характер. Больные дистрофией получали в столовых ежедневно трехразовое питание. Суточный рацион здесь составлял: хлеба – 500 г, мяса – 100, сахара – 100, жиров – 60, крупы – 130, сухих овощей – 50, сухофруктов – 10 г в день. Ежемесячно полагалось также десять яиц и другие продукты [30, л. 33–36]. Калорийность питания в этих столовых, по расчетам отдела здравоохранения, была почти в два раза выше калорийности блокадного продовольственного пайка.

Лечебное питание сыграло большую роль в восстановлении сил и здоровья ослабших жителей города. Всего в стационарах и столовых питалось около 324 тыс. человек. Подавляющее большинство из них сразу же вернулось на производство.

Широкое распространение в Ленинграде в военный период получила система общественного питания. Во время голода сеть столовых не прекращала работу ни на один день. Истощенным людям не приходилось тратить силы, чтобы приготовить себе пищу из крох, полученных в магазинах. Рацион в столовых был увеличен за счет заменителей.

Предприятия общественного питания помогали ленинградцам бороться с последствиями перенесенного ими голода. Если магазины системой регулярных разовых выдач продовольствия способствовали равномерному использованию месячного пайка по дням и неделям месяца, то столовые гарантировали правильное питание в течение каждого дня.

В мае 1942 г. системе столовых было поручено организовать так называемое рационное питание. Столующиеся сдавали свои карточки одной из городских столовых и получали ежедневно завтраки, обеды и ужины. По желанию столовые отпускали рационное питание на дом.

Снабжение столовых рационного питания происходило в основном за счет продуктов, положенных по продовольственным карточкам. Но Главному управлению столовых разрешалось использовать дополнительно часть продукции своих подсобных хозяйств.

Столовые рационального питания приобрели большую популярность у населения. Число столоующихся в них увеличилось с 5 тыс. человек в мае до 100,5 тыс. человек в июне и 138 тыс. человек в конце 1942 г. На территории Володарского района для больных дистрофией с 1 апреля 1942 г. была развернута сеть столовых усиленного питания на 7 000 мест [22, л. 29 об.].

При организации продовольственного снабжения населения большое внимание уделялось детям. Рационное питание школьников по повышенным нормам было введено на три месяца раньше, чем для взрослых. Его получали около 64 тыс. учащихся начальных и средних школ. Для улучшения питания школьников с февраля 1942 г. детские ясли были реорганизованы в интернаты. Питание детей, матери которых были больны, возлагалось на детские консультации. Для детей до трех лет были открыты молочные кухни.

В соответствии с постановлением правительства в 1942 г. начали функционировать столовые усиленного и диетического питания для ослабевших детей в возрасте от 3 до 13 лет. Кроме того, усиленное питание организовывалось и при детских поликлиниках [22, л. 31 об.].

Значительное внимание уделялось организации питания детей военнослужащих. Так, для них на территории Володарского района Ленинграда в ноябре 1941 г. были организованы столовые с охватом 4 468 детей [22, л. 35].

В суточный рацион столовых входили не только нормированные продукты, но и дополнительные, выдававшиеся по детским продовольственным карточкам сверх нормы [29, л. 17–18]. Правильная организация питания населения позволила приступить к решению проблемы продовольственного снабжения блокадного города. Массовое возвращение на производство рабочих, восстановивших свои силы, способствовало расширению военного производства.

Огромное значение имела и система дифференцированного продовольственного снабжения. Рабочие ряда оборонных производств получали хлеб по повышенным нормам. Повышенные нормы снабжения, дифференцированные в зависимости от выработки, применялись на торфо- и дровозаготовках. Передовым рабочим предприятий вручались так называемые стахановские талоны, дававшие право на получение в столовых дополнительного горячего блюда. Число выдававшихся стахановских талонов достигало 55 тыс. ежедневно [31, л. 128]. Напротив, нарушителям трудовой дисциплины нормы снабжения хлебом уменьшались на 100 г против положенных по карточке. Иждивенцы, уклонявшиеся от общественных работ, получали продовольственные карточки без талонов на мясо и жир. Эта мера имела воспитательное значение.

В годы блокады Ленинград столкнулся и с трудностями при организации торговли и общественного питания. Эти трудности начинались с транспортировки продуктов со складов в магазины. Пока в городе работали трамваи, торговые организации широко использовали их грузовой парк. Когда трамвайное движение прекратилось, основным торговым транспортом стали ручные санки и тележки.

Значительные трудности были связаны со своевременным снабжением продовольствием столовых и пунктов общественного питания. Трест столовых города в основном снабжался через Ленглавресторан и частично получал продукты питания транзитным порядком. Однако отпускаемые фонды обеспечивались базами со значительными перебоями и опозданиями. Так, в мае 1942 г. столовые Октябрьского района вместо 9 т сухих овощей получили 4,8 т. Школы района в первую декаду июня не были обеспечены животным маслом [23, л. 3].

Вследствие недостатка продовольствия меню столовых было однообразным. Так, в столовой завода № 196 десять дней подряд в качестве первого блюда выдавался горох, а в качестве второго – однообразная каша. В столовых заводов № 196 и им. Марти часто не было даже кипяченой воды [23, л. 4].

Некоторые магазины и в самые тяжелые месяцы блокады бесперебойно обслуживали население. Например, в магазине № 25 Кировского района города не было

ни одной жалобы покупателей, ни одного случая нарушения правил торговли, трудовой дисциплины. В книге жалоб магазина № 31 отмечалось, что в магазине всегда поддерживался порядок, товары доставлялись вовремя, население обслуживалось быстро, в случаях наплыва покупателей один и тот же продукт продавался одновременно во всех отделах.

Имелись и негативные примеры работы предприятий торговли и общественного питания, например, «Фабрика-кухня Треста столовых исключительно запущена. Около здания нечистоты и мусор, лестницы обледенели, лед не убирается, полы в залах моются плохо и редко, в фойе и коридорах совсем не мыты» [20, л. 20].

В ряде столовых имелись очереди при обслуживании посетителей. Так, в столовой при заводе им. Марти рабочие в день обследования ожидали своей очереди в течении часа. В столовой завода № 17 посетители были вынуждены стоять в трех очередях: у кассы, за хлебом и за обедом [34, л. 8]. Имели место случаи отпуска нормируемых продуктов без талонов, а также факты хищений продовольствия [19, л. 160].

Особое значение придавалось торговле хлебом. Однако не все торговые точки обеспечивали удовлетворительные условия организации торговли. Так, отмечалось несвоевременное открытие и закрытие булочных № 230, 270. Булочными № 263, 264, 269, 240, 242, 268, 270, магазинами № 37/38, 44, 49/50 отпуск хлеба производился за много дней вперед и в значительных количествах, имели место факты продажи бракованного хлеба, многочисленные недовесы при отпуске хлеба. Случаи недовеса отмечались булочными № 240, 242, 243, 260, магазинами № 25/26, 36, 37/38 [21, л. 5–6].

Специфика блокадных условий потребовала также усиления государственного и общественного контроля в торговле. Особое внимание было обращено на учет и контроль за распределением продовольственных карточек, которые превратились во время блокады в самый ценный документ. Созданные для этой цели контрольно-учетные бюро пресекали нарушения установленного порядка выдачи карточек, попытки хищения продуктов. Коллективы заводов и фабрик также выбирали общественных контролеров. Так, на Кировском заводе их было избрано свыше 300 человек.

Выводы

Продовольственная ситуация в блокадном Ленинграде была катастрофической. С началом блокады в сентябре 1941 г. город оказался изолирован от внешних поставок, что привело к резкому дефициту продуктов питания. Нормы продовольственного снабжения, установленные для жителей, были крайне низкими и не могли удовлетворить базовые потребности населения.

В условиях нехватки пищи люди испытывали голод, который быстро стал одной из главных причин заболеваемости и смертности. В самые тяжелые периоды блокады, особенно в зимние месяцы 1941–1942 гг., нормы хлеба для горожан составляли всего 125–200 г в день. Голод способствовал распространению заболеваемости цингой, дистрофией, пеллагрой и др.

Городские власти принимали ряд мер, направленных на борьбу с голодом. Одним из важнейших аспектов выживания горожан стали столовые, которые играли ключевую роль в обеспечении населения пищей. В условиях нехватки ресурсов, столовые использовали все возможные способы, чтобы накормить жителей. В меню часто входили супы из водорослей, картофельные и крупяные каши, а также блюда из заменителей мяса.

Столовые с лечебным и усиленным питанием организовывались для наиболее уязвимых групп населения, таких, как больные и истощенные, а также дети. Проводились эксперименты с пищевыми заменителями и суррогатами, такими как белковые дрожжи, целлюлоза, мука из коры деревьев и другие продукты, ранее не использовавшиеся в качестве продуктов питания. Несмотря на огромные усилия, предпринимаемые для снабжения города продовольствием, голод и истощение населения оставались серьезной проблемой до конца блокады.

Список литературы

1. Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний. – Санкт-Петербург : С.-Петербургский ун-т, 2019. – Ч. 1: Июнь 1941 г. – март 1942 г. – 863 с.
2. Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний. – Санкт-Петербург : С.-Петербургский ун-т, 2020. – Ч. 2: Март – декабрь 1942 г. – 1261 с.
3. Блокадные дневники и документы. – Санкт-Петербург : Европейский дом, 2007. – 512 с.
4. Гаврилова, О. А. Изготовление продовольственных карточек в блокадном Ленинграде. 1941–1943 гг. / О. А. Гаврилова, М. В. Ходяков // Новейшая история России. – 2016. – № 2 (16). – С. 44–67.
5. Дневник Юры Рябкина // Детская книга войны. Дневники 1941–1945. – Москва : Аргументы и факты, АиФ. Доброе сердце, 2015. – С. 33–65.
6. Ковальчук, В. М. Ленинград и Большая Земля / В. М. Ковальчук. – Ленинград : Наука, 1975. – 326 с.
7. Красноженова, Е. Е. Тотальный голод стал главной причиной многочисленных жертв среди ленинградцев. Продовольственная ситуация в блокадном Ленинграде в 1941–1944 гг. / Е. Е. Красноженова // Военно-исторический журнал. – 2024. – № 1. – С. 58–65.
8. Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза. – Ленинград : ОГИЗ, Госполитиздат, 1944. – Т. 1. – 428 с.
9. Ленинградская правда. – 1943. – 5 марта (№ 53 (8468)). – С. 2.
10. Ломагин, Н. А. Неизвестная блокада / Н. А. Ломагин. – Санкт-Петербург : Нева; Москва : ОЛМА ПРЕСС, 2002. – 960 с.
11. Манаков, Н. А. В кольце блокады / Н. А. Манаков. – Ленинград : Лениздат, 1961. – 215 с.
12. Павлов, Д. В. Ленинград в блокаде / Д. В. Павлов. – Москва : Военное изд-во МО СССР, 1958. – 237 с.
13. Прищепа, А. С. Сергей Сергеевич Голушкевич и его проект «Дорога жизни» / А. С. Прищепа // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2022. – № 3 (72). – С. 44–47. – doi: 10.54398/1818510X_2022_3_44.
14. Пянкевич, В. Л. «Успех только будет при открытии коммерческих магазинов»: горожане, власть и государственная коммерческая торговля в блокадном Ленинграде / В. Л. Пянкевич // Петербургский исторический журнал. – 2020. – № 3. – С. 216–229. – doi: 10.51255/2311-603X-2020-00064.
15. Пянкевич, В. Л. Пешком по озеру: эвакуация населения из Ленинграда в конце ноября – начале декабря 1941 г. / В. Л. Пянкевич, А. Н. Чистиков // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9, № 1. – С. 56–69. – doi: 10.21638/11701/spbu24.2019.103.
16. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). – Ф. 3. – Оп. 43. – Д. 64.
17. Ходяков, М. В. Введение карточной системы в осажденном Ленинграде летом 1941 г. / М. В. Ходяков // Вестник архивиста. – 2024. – № 3. – С. 766–778. – doi: 10.28995/2073-0101-2024-3-766-778.
18. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). – Ф. 2076. – Оп. 2. – Д. 598.
19. ЦГА СПб. – Ф. Р-2. – Оп. 5. – Д. 53.
20. ЦГА СПб. – Ф. Р- 2. – Оп. 5. – Д. 59.
21. ЦГА СПб. – Ф. Р- 2. – Оп. 5. – Д. 60.
22. ЦГА СПб. – Ф. Р- 2. – Оп. 5. – Д. 79.
23. ЦГА СПб. – Ф. Р-7384. – Оп. 13. – Д. 108.
24. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). – Ф. 25. – Оп. – 15. – Д. 142.
25. ЦГАИПД СПб. – Ф. 25. – Оп. – 15. – Д. 143.
26. ЦГАИПД СПб. – Ф. 25. – Оп. 15. – Д. 144.
27. ЦГАИПД СПб. – Ф. 25. – Оп. 15. – Д. 146.
28. ЦГАИПД СПб. – Ф. 25. – Оп. 2. – Д. 1887.
29. ЦГАИПД СПб. – Ф. 25. – Оп. 2. – Д. 4602.
30. ЦГАИПД СПб. – Ф. 25. – Оп. 2. – Д. 4881.
31. ЦГАИПД СПб. – Ф. 25. – Оп. 2. – Д. 4887.
32. ЦГАИПД СПб. – Ф. Р-4000. – Оп. 11. – Д. 16.
33. ЦГАИПД СПб. – Ф. Р-4000. – Оп. 11. – Д. 27.
34. ЦГАИПД СПб. – Ф. Р-4000. – Оп. 11. – Д. 69.

35. Яров, С. В. Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. / С. В. Яров. – Москва : Центрполиграф, 2013. – 602 с.
36. Яров, С. В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда / С. В. Яров. – Москва : Молодая гвардия, 2013. – 310 с.
37. Hass, J. K. Soviet Discursive Power versus War: Agitation and Propaganda in the Blockade of Leningrad / J. K. Hass // *Modern History of Russia*. – 2018. – Vol. 8, № 4. – P. 827–840. – doi: 10.21638/11701/spbu24.2018.402.
38. Moskoff, W. *The Bread of Affliction: The Food Supply in the USSR During World War II* / W. Moskoff. – New York : Cambridge University Press, 1991. – 256 p.
39. Jones, M. K. *Leningrad: state of siege* / M. K. Jones. – New York : Basic books, 2008. – 322 p.
40. Pleysier, A. *Frozen Tears. The Blockade and Battle of Leningrad* / A. Pleysier. – Lanham Lanham ; Boulder ; New York ; Toronto ; Plymouth; UK : University press of America, 2008. – 190 p.

References

1. *Blokada v resheniyakh rukovodyashchikh partiynykh organov Leningrada. 1941–1944 gg. Sb. dokumentov. Postanovleniya byuro leningradskih gorkoma i obkoma VKP(b), stenogrammy zasedaniy* [The blockade in the decisions of the leading party bodies of Leningrad. 1941–1944 Collection of documents. Resolutions of the Bureau of the Leningrad City Committee and the regional Committee of the CPSU(b), transcripts of meetings]. St. Petersburg: St. Peterburg State University; 2019, part 1, 863 p.
2. *Blokada v resheniyakh rukovodyashchikh partiynykh organov Leningrada. 1941–1944 gg. Sb. dokumentov. Postanovleniya byuro leningradskih gorkoma i obkoma VKP(b), stenogrammy zasedaniy* [The blockade in the decisions of the leading party bodies of Leningrad. 1941–1944 Collection of documents. Resolutions of the Bureau of the Leningrad City Committee and the regional Committee of the CPSU(b), transcripts of meetings]. St. Petersburg: St. Peterburg State University; 2020, 1261 p.
3. *Blokadnye dnevniki i dokumenty* [Blockade diaries and documents]. St. Petersburg: Evropeyskiy dom; 2007, 512 p.
4. Gavrilova, O. A., Khodyakov, M. V. Izgotovlenie prodovolstvennykh kartochek v blokadnom Leningrade. 1941–1943 gg. [The Manufacturing of Ration Cards in the Besieged City of Leningrad, 1941–1943]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia]. 2016, no. 2 (16), pp. 44–67.
5. Dnevnik Yuryya Ryabinkina [The diary of Yura Ryabinkin]. *Detskaya kniga voyny. Dnevnik 1941–1945* [The children's Book of War. Diaries 1941–1945]. Moscow: Argumenty i fakty, AiF. Dobroe serdtse; 2015, pp. 33–65.
6. Kovalchuk, V. M. *Leningrad i Bolshaya Zemlya* [Leningrad and Bolshaya Zemlya]. Leningrad: Nauka; 1975, 326 p.
7. Krasnozhenova, Ye. Ye. Totalnyy golod stal glavnoy prichinoy mnogochislennykh zhertv sredi leningradtsev. Prodovolstvennaya situatsiya v blokadnom Leningrade v 1941–1944 gg. [Total starvation was the main cause of many deaths among the inhabitants of Leningrad. The food situation in besieged Leningrad 1941–1944]. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal* [Military Historical Journal]. 2024, no. 1, pp. 58–65.
8. *Leningrad v Velikoy Otechestvennoy voyne Sovetskogo Soyuz* [Leningrad in the Great Patriotic War of the Soviet Union]. Leningrad: OGIZ, Gospolitizdat; 1944, vol. 1, 428 p.
9. *Leningradskaya Pravda* [Leningrad Truth]. 1943, March 5, no. 53 (8468), p. 2.
10. Lomagin, N. A. *Neizvestnaya blokada* [Unknown blockade]. St. Petersburg: Neva; Moscow: OLMA PRESS; 2002, 960 p.
11. Manakov, N. A. *V koltse blokady* [In the blockade ring]. Leningrad: Lenizdat; 1961, 215 p.
12. Pavlov, D. V. *Leningrad v blokade* [Leningrad is under siege]. Moscow: Voennoe izdatelstvo MO SSSR; 1958, 237 p.
13. Prishchepa, A. S. Sergey Sergeevich Golushkevich i ego proekt “Doroga zhizni” [Sergey Sergeevich Golushkevich and his project “The Road of Life”]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2022, no. 3 (72), pp. 44–47, doi: 10.54398/1818510X_2022_3_44.
14. Piankevich, V. L. “Uspekhn tolko budet pri otkrytii kommercheskikh magazinov”: gorozhane, vlast i gosudarstvennaya kommercheskaya trgovlya v blokadnom Leningrade [“Success will be only at the opening of commercial stores”: People, power and state commercial trade in besieged Leningrad]. *Peterburgskii istoricheskiy zhurnal* [St. Petersburg Historical Journal]. 2020, no. 3, pp. 216–229, doi: 10.51255/2311-603X-2020-00064.
15. Piankevich, V. L., Chistikov, A. N. Peshkom po ozeru: evakuatsiya naseleniya iz Leningrada v kontse noyabrya – nachale dekabrya 1941 g. [Along the Lake on Foot: The Evacuation of the

Population from Leningrad in late November and early December, 1941]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia]. 2019, no. 1, vol. 9, pp. 56–69, doi: 10.21638/11701/spbu24.2019.103.

16. *The Russian State Archive of Modern History*. Found 3, inventory 43, case 64.
17. Khodyakov, M. V. Vvedenie kartochnoy sistemy v osazhdennom Leningrade letom 1941 g. [Introduction of the card system in besieged Leningrad in the summer of 1941]. *Vestnik Arkhivista* [Herald of an Archivist]. 2024, no. 3, pp. 766–778, doi: 10.28995/2073-0101-2024-3-766-778.
18. *Central State Archive of St. Petersburg*. Found 2076, inventory 2, case 598.
19. *Central State Archive of St. Petersburg*. Found P-2, inventory 5, case 53.
20. *Central State Archive of St. Petersburg*. Found P- 2, inventory 5, case 59.
21. *Central State Archive of St. Petersburg*. Found P- 2, inventory 5, case 60.
22. *Central State Archive of St. Petersburg*. Found P- 2, inventory 5, case 79.
23. *Central State Archive of St. Petersburg*. Found P-7384, inventory 13, case 108.
24. *Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg*. Found 25, inventory 15, case 142.
25. *Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg*. Found 25, inventory 15, case 143.
26. *Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg*. Found 25, inventory 15, case 144.
27. *Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg*. Found 25, inventory 15, case 146.
28. *Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg*. Found 25, inventory 2, case 1887.
29. *Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg*. Found 25, inventory 2, case 4602.
30. *Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg*. Found 25, inventory 2, case 4881.
31. *Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg*. Found 25, inventory 2, case 4887.
32. *Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg*. Found P-4000, inventory 11, case 16.
33. *Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg*. Found P-4000, inventory 11, case 27.
34. *Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg*. Found P-4000, inventory 11, case 69.
35. Yarov, S. V. *Blokadnaya etika. Predstavleniya o morali v Leningrade v 1941–1942 gg.* [Blockade ethics. Ideas about morality in Leningrad in 1941–1942]. Moscow: Tsentrpoligraf; 2013, 602 p.
36. Yarov, S. V. *Povsednevnyaya zhizn blokadnogo Leningrada* [Daily life of besieged Leningrad]. Moscow: Molodaya gvardiya; 2013, 310 p.
37. Hass, J. K. Soviet Discursive Power versus War: Agitation and Propaganda in the Blockade of Leningrad. *Modern History of Russia*. 2018, vol. 8, no. 4, pp. 827–840, doi: 10.21638/11701/spbu24.2018.402.
38. Moskoff, W. *The Bread of Affliction: The Food Supply in the USSR During World War II*. New York: Cambridge University Press; 1991, 256 p.
39. Jones, M. K. *Leningrad: state of siege*. New York: Basic books; 2008, 322 p.
40. Pleysier, A. *Frozen Tears. The Blockade and Battle of Leningrad*. Lanham Lanham; Boulder; New York; Toronto; Plymouth; UK: University press of America; 2008, 190 p.

Информация об авторе

Красноженова Е. Е. – доктор исторических наук, профессор.

Information about the author

Krasnozhénova E. E. – Doctor of Historical Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 12.08.2024; одобрена после рецензирования 05.09.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 12.08.2024; approved after reviewing 05.09.2024; accepted for publication 30.09.2024.